

Влияние политики социальной защиты на бедность и неравенство в Центральной Азии: Узбекистан

The Impact of Social Protection Policies on Poverty and Inequality in Central Asia: Uzbekistan

УДК 332.1

Получено: 19.11.2023

Одобрено: 10.12.2023

Опубликовано: 25.12.2023

Амридино́ва Ш.Х.

Старший научный сотрудник в Институте макроэкономических и региональных исследований, г. Ташкент

e-mail: sharifa.amriddinova@mail.ru

Amriddinova Sh.X.

Senior researcher, Institute of Macroeconomic and Regional Studies, Tashkent

e-mail: sharifa.amriddinova@mail.ru

Аннотация

Данное исследование было сосредоточено на изучении влияния политики социальной защиты на бедность и неравенство доходов в странах Центральной Азии. При помощи таких эконометрических методов, как объединённая модель OLS, модель с фиксированными эффектами и модель со случайными эффектами, был проведён эмпирический анализ с использованием четырёх показателей социальной защиты из базы данных Всемирного банка: Развитие человеческих ресурсов (BHR), Справедливость в использовании государственных ресурсов (EPR), Политика социальной интеграции и равенства (PSE) и Рейтинги социальной защиты (SPR). Результаты регрессий показали, что только второй и третий показатели статистически значимо влияют на бедность и способствуют её сокращению. Анализ взаимосвязи между неравенством и социальной защитой с использованием объединённой модели OLS показал, что все четыре индикатора социальной защиты имели статистическую значимость и способствовали снижению дифференциации доходов в данных странах. Тем не менее регрессионный анализ с использованием моделей с фиксированными и случайными эффектами выявил, что только Развитие человеческих ресурсов (BHR) и Рейтинги социальной защиты (SPR) имели статистическую значимость и отрицательную связь с коэффициентом Gini.

Ключевые слова: дифференциация доходов; бедность; социальная защита; Центральная Азия; МНК.

Abstract

This study focused on examining the impact of social protection policies on poverty and income inequality in Central Asian countries. Using econometric methods such as a pooled OLS model, a fixed effects model and a random effects model, an empirical analysis was conducted using four social protection indicators from the World Bank database: Building Human Resource (BHR), Equity in the Use of Public Resources (EPR), Policy for Social Inclusion and Equity (PSE) and Social Protection Ratings (SPR). The regression results showed that only the second and third indicators have a statistically significant effect on poverty and contribute to its reduction. An analysis of the relationship between inequality and social protection using a pooled OLS model showed that all four indicators of social protection were statistically significant and contributed to reducing income

differentiation in these countries. However, regression analysis using fixed and random effects models revealed that only Human Resource Development (BHR) and Social Protection Ratings (SPR) were statistically significant and negatively associated with the Gini coefficient.

Keywords: Income inequality; poverty; social protection; Central Asia; OLS.

В мировой практике необходимость борьбы с бедностью, растущим неравенством, а также рисками и уязвимостью привела к формированию определенного набора инструментов, определяемых как социальная защита. Термин «социальная защита» подразумевает комплекс программ и политик, призванных сокращать и предотвращать бедность, уязвимость и неравенство. По сути, система социальной защиты позволяет предотвратить расширение масштабов безработицы, заболеваемости, смертности, снижение доходов в связи с потерей работы, по случаю инвалидности и т.д.

Что касается системы социальной защиты в Узбекистане, она состоит из мероприятий на рынке труда, социальной помощи и социального страхования, нацеленные на социальную защиту малообеспеченных и уязвимых слоев населения. В систему социальной защиты входят такие категории населения, как дети, население трудоспособного возраста и пожилые люди. Программы социальной защиты детей включают в себя денежные (пособие по уходу за ребенком до достижения им 2-х лет, пособие малообеспеченным семьям с детьми до 14 лет, пособие на ребенка-инвалида) и неденежные формы помощи. Программы социальной защиты пожилых людей включают в себя пенсии по возрасту, социальные пенсии по возрасту, обеспечение отдельными видами продуктов питания, услуги по уходу на дому, интернатный уход за престарелыми. Меры по социальной защите трудоспособного населения включают в себя программы социального страхования (пенсии по инвалидности, по случаю потери кормильца, пособие по безработице), программы социальной помощи (единовременное пособие при рождении ребенка, пособие по беременности и родам, пособие малообеспеченным семьям, пособие по временной нетрудоспособности, денежная компенсация расходов на коммунальные услуги уязвимым группам), пассивные и активные программы на рынке труда (профессиональная подготовка и переподготовка, общественные работы и др.). Кроме того, лекарства, бесплатные ортопедические продукты, бесплатный транспорт и др. обеспечиваются для уязвимых групп населения на бесплатной основе [13].

Борьба с бедностью – одна из приоритетных задач современного экономического развития Узбекистана. Решение этой задачи возможно только при условии, что влияние государственной системы социальной защиты на уровень бедности может быть отрегулировано государством.

Значительным прорывом в социальной политике стало внедрение Единого реестра социальной защиты. Благодаря автоматизации процессов выплаты пособий удалось сократить коррупционные факторы и создать прозрачную систему предоставления государственной помощи [11].

Важно отметить, что первые два приоритета стратегии «Узбекистан-2030»¹ посвящены человеческому капиталу и социальным вопросам. В разделе стратегии «Создание достойных условий для реализации потенциала каждого человека» есть задача по оказанию социальных услуг и сокращению бедности.

На современном этапе стоит задача количественно оценить влияние социальной защиты на бедность и дифференциацию доходов. Таким образом, данное исследование направлено на изучение влияния политики социальной защиты на сокращение бедности и неравенства в некоторых странах Центральной Азии. Также цель данного исследования актуальна, поскольку она соответствует первой («Ликвидация бедности») и десятой («Сокращение неравенства») национальной цели устойчивого развития (ЦУР²), принятые Организацией Объединенных Наций в 2015 г.

¹ <https://lex.uz/ru/docs/6600404>

² <https://nsdg.stat.uz/>

Реализация социальной защиты способствует смягчению последствий экономических рисков и стихийных бедствий, которые включают в себя низкий уровень сельскохозяйственного производства, низкие доходы, высокий уровень безработицы, засуху, которая впоследствии приводит к голоду. Когда данные риски контролируются, то уровень бедности снизится, и страна достигнет экономического роста [3; 7; 8; 9].

В развивающихся странах социальная защита стала основой политики, направленной на борьбу с бедностью и уязвимостью, в контексте экономических и финансовых кризисов 1980-х и 1990-х годов, структурной перестройки и глобализации [4]. Одно из исследований [10] изучило влияние политики социальной защиты на бедность и дифференциацию доходов на примере Африканских стран. При помощи таких эконометрических моделей, как модель с фиксированными эффектами, модель со случайными эффектами и модель объединенного OLS, было выявлено, что оказание социальной защиты способствует сокращению бедности и неравенства в Африке. Было подчеркнуто, что поддержка в натуральной (in-kind) и денежной форме является эффективным для снижения уровня бедности и неравенства в Африке. Исследование, проведенное для Пакистана [2], оценило влияние социальной защиты на уязвимость к бедности и уровень бедности среди домохозяйств в провинции Пенджаб в Пакистане. При помощи методов сопоставления и одновременная регрессия эндогенного переключения (Matching methods and simultaneous endogenous switching regression) результаты показали, что социальная защита оказывает положительное влияние на снижение бедности домохозяйств.

Другое исследование показало, что даже малые трансферты инвестируются в приносящую доход деятельность, образование, социальные сети, подразумевая, что системы социальной защиты, которые определяются как финансируемые государством программы трансфертов со «сглаживанием потребления», значительно смягчают потрясения в области средств к существованию и помогают сократить хроническую бедность [5]. Один из докладов Всемирного Банка продемонстрировал, что существуют убедительные доказательства того, что условные денежные трансферты (ОДТ) способствуют улучшению жизни бедных слоев населения. Трансферты, как правило, были адресованы бедным домохозяйствам, повысили уровень потребления и значительно сократили бедность в некоторых странах [1]. Одно из исследований [6] показало, что некоторые реальные государственные программы трансфертов тратят больше денег на людей с высокими доходами, чем на людей с низкими доходами, и тем не менее эти программы уменьшают неравенство, когда обе стороны баланса учитываются в анализе одновременно.

На основе исследования, проведенного Р. Осабохиен и др. [9], был проведен эмпирический анализ для таких стран Центральной Азии, как Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан за период 2005-2022 гг. Были также использованы такие эконометрические методы, как модель с фиксированными эффектами (FE), модель со случайными эффектами (RE) и модель объединенного OLS. Для проведения регрессии были использованы те же переменные (см. табл. 1), как в работе Р. Осабохиен и др. [9], однако переменная «соотношение занятости и численности населения» не была использована в этой статье, так как она коррелировала с остальными контрольными переменными (см. табл. 8). Более того, мы использовали долю дохода, достающаяся беднейшим 50% населения, в качестве прокси для показателя бедности так, как была нехватка данных по уровню бедности при \$2,15 ППС. В качестве индикаторов социальной защиты были взяты 4 показателя: Развитие человеческих ресурсов, Справедливость в использовании государственных ресурсов, Политика социальной интеграции и равенства и Рейтинги социальной защиты.

Описание переменных

Переменные	Описание
Бедность	Доля нижних 50% — это доля дохода, достающаяся беднейшим 50% населения, то есть той части населения, чей доход находится ниже медианного уровня. Источник: WID
Неравенство	Коэффициент Gini. Источник: WDI
Развитие человеческих ресурсов (BHR)	Оценивается по шкале от 1 (плохой) до 6 (сильный): оценивает национальную политику и предоставление услуг государственного и частного секторов, которые влияют на доступ и качество медицинских и образовательных услуг, включая профилактику и лечение ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и малярии. Источник: CPIA.
Справедливость в использовании государственных ресурсов (EPR)	Измеряется от 1 (низкая) до 6 (сильная): оценивает степень, в которой структура государственных расходов и сборов доходов влияет на бедных слоев населения и соответствует национальным приоритетам сокращения бедности. Источник: CPIA
Политика социальной интеграции и равенства (PSE)	Оценивается от 1 (плохой) до 6 (сильный): включает в себе гендерное равенство, справедливость в использовании государственных ресурсов, наращивание человеческих ресурсов, социальную защиту и труд, а также политику и институты экологической устойчивости. Источник: CPIA.
Рейтинги социальной защиты (SPR)	Измеряются от 1 (плохой) до 6 (сильный): оценивает государственную политику в области социальной защиты и регулирования рынка труда, которая снижает риск бедности, помогает бедным лучше управлять дальнейшими рисками и обеспечивает минимальный уровень благосостояния для всех людей. Источник: CPIA.
Рост населения	Темпы роста (годовые %). Источник: WDI
Рост ВВП	(Годовой %). Источник: WDI

Так как была высокая корреляция между переменными социальной защиты, регрессии проводились в несколько этапов, где было изучено влияние каждого показателя социальной защиты на бедность и дифференциацию доходов. Перед проведением регрессий методами FE и RE, для каждого уравнения были проведены тесты Хаусмана для того, чтобы выявить какой из методов больше подходит.

Более того, в исследовании предоставлена таблица свода статистических данных (табл. 2) и матрица корреляции (табл. 3). Были проведены тест Брюша-Пагана на гомоскедастичность.

Таблица 2

Свод статистических данных

Variable	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max
Gini	4	0.419	.85	6.2	7.4
Poverty	4	161	017	118	2
Populationgrowth	4	.831	418	95	.823
GDPgrowth	4	.864	.078	8.398	0.915
buildinghumanr~a	4	.722	346		
equityofpublic~u	4	.667	291		.5
policiesforsoc~i	4	.596	196	.1	
socialprotecti~g	4	.389	21		.5

Бедность

Таблица 3

Матрица корреляции

Variables	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
(1) Poverty	.000						
(2) Population growth	0.006	.000					
(3) GDP growth	0.207	.144	.000				
(4) buildinghu~a	0.158	0.068	0.105	.000			
(5) equityofpu~u	0.202	.282	0.185	.515	.000		
(6) policiesfo~i	0.350	0.118	0.196	.847	.737	.000	
(7) socialprot~g	0.078	0.507	0.226	.347	.077	.471	.000

В табл. 4 представлены ответы регрессии модели объединённого OLS. По результатам видно, что из четырех индикаторов социальной защиты только индикатор справедливости в использовании государственных ресурсов (EPR) и индикатор политики социальной интеграции и равенства (PSE) значительно влияют на зависимую переменную и способствует

сокращению бедности. При отсутствии других показателей социальной защиты, увеличение справедливости в использовании государственных ресурсов (EPR) на 1% снижает бедность на 1,7% в то время, как увеличение политики социальной интеграции и равенства на 1% способствует сокращению бедности на 5%. Также можно заметить, что рост ВВП имеет отрицательную связь с бедностью в обоих регрессиях.

Таблица 4

Результаты регрессии модели объединённого OLS

	(1)	(2)	(3)	(4)
VARIABLES	BHR	EPR	PSI	SPR
BHR	-0.00901 (0.00682)			
Populationgrowth	0.000600 (0.00568)	0.00472 (0.00585)	-0.000531 (0.00529)	-0.00216 (0.00656)
GDPgrowth	-0.00128 (0.000773)	-0.00155* (0.000775)	-0.00160** (0.000727)	-0.00132 (0.000788)
EPR		-0.0169* (0.00844)		
PSI			-0.0358*** (0.0114)	
SPR				-0.0130 (0.0133)
Constant	0.201*** (0.0286)	0.224*** (0.0306)	0.300*** (0.0437)	0.217*** (0.0529)
Observations	54	54	54	54
R-squared	0.076	0.115	0.202	0.061

Standard errors in parentheses
 *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

В моделях с фиксированными эффектами (см. табл. 5) аналогичная ситуация в плане статистической значимости показателей социальной защиты. Также как в модели объединённого OLS увеличение EPR на 1% снижает бедность на 1,7%, тем не менее PSE сокращает бедность на 5%.

Таблица 5

Результаты регрессии модели с фиксированными эффектами

	(1)	(2)	(3)	(4)
VARIABLES	BHR	EPR	PSI	SPR
BHR	0.0131			
	(0.00952)			
Populationgrowth	0.000588	0.0119**	0.0127***	0.00543
	(0.00519)	(0.00469)	(0.00442)	(0.00436)
GDPgrowth	0.000440	0.000361	0.000336	0.000548
	(0.000548)	(0.000520)	(0.000500)	(0.000555)
EPS		-0.0169***		
		(0.00616)		
PSI			-0.0513***	
			(0.0149)	
SPR				0.00575
				(0.0113)
Constant	0.109***	0.199***	0.320***	0.129***
	(0.0306)	(0.0200)	(0.0503)	(0.0416)
Observations	54	54	54	54
R-squared	0.078	0.171	0.231	0.047

Standard errors in parentheses
 *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

Дифференциация доходов

В табл. 6 и 7 представлены результаты регрессии модели объединённого OLS и моделей с фиксированными и случайными эффектами для изучения влияния индикаторов социальной защиты на дифференциацию доходов. По ответам регрессий в табл. 6 видно, что все четыре показателя социальной политики имеют статистическую значимость и способствуют снижению неравенства. Увеличение BHR, EPR, PSI и SPR на 1% сокращает дифференциацию доходов на 4, 3, 6 и 9%. В моделях с фиксированными и случайными эффектами (см. табл. 7) статистическую значимость имеют такие индикаторы социальной защиты, как Развитие человеческих ресурсов (BHR) и Рейтинги социальной защиты (SPR). Увеличение данных переменных на 1% сокращает неравенство на 4 и 9% соответственно.

Таблица 6

Результаты регрессии модели объединённого OLS

	(1)	(2)	(3)	(4)
VARIABLES	BHR	EPR	PSI	SPR
	-0.0353***			

BHR				
	(0.0101)			
Populationgrowth	-0.0113	-0.00391	-0.0123	-0.0322***
	(0.00838)	(0.00950)	(0.00848)	(0.00859)
GDPgrowth	0.00212*	0.00192	0.00179	0.00153
	(0.00114)	(0.00126)	(0.00117)	(0.00103)
EPR		-0.0265*		
		(0.0137)		
PSI			-0.0609***	
			(0.0182)	
SPR				-0.0921***
				(0.0174)
Constant	0.444***	0.397***	0.535***	0.666***
	(0.0422)	(0.0497)	(0.0701)	(0.0692)
Observations	54	54	54	54
R-squared	0.263	0.146	0.250	0.413

Standard errors in parentheses
*** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

Таблица 7

Результаты регрессии моделей с фиксированными и случайными эффектами

	(1)	(2)	(3)	(4)
VARIABLES	BHR (RE)	EPR (FE)	PSI (FE)	SPR (RE)
BHR	-0.0353***			
	(0.0101)			
Populationgrowth	-0.0113	-0.0301***	-0.0325***	-0.0322***
	(0.00838)	(0.0111)	(0.0108)	(0.00859)
GDPgrowth	0.00212*	0.00154	0.00160	0.00153
	(0.00114)	(0.00123)	(0.00122)	(0.00103)
EPR		0.00428		
		(0.0146)		
PSI			0.0274	
			(0.0364)	

SPR				-0.0921***
				(0.0174)
Constant	0.444***	0.335***	0.256**	0.666***
	(0.0422)	(0.0473)	(0.123)	(0.0692)
Observations	54	54	54	54
R-squared		0.192	0.200	

Standard errors in parentheses
 *** p<0.01, ** p<0.05, * p<0.1

Данное исследование было сосредоточено на изучении влияния политики социальной защиты на бедность и неравенство доходов в странах Центральной Азии. При помощи таких эконометрических методов, как объединённая модель OLS, модель с фиксированными эффектами и модель со случайными эффектами, был проведён эмпирический анализ с использованием четырёх показателей социальной защиты из базы данных Всемирного банка: Развитие человеческих ресурсов (BHR), Справедливость в использовании государственных ресурсов (EPR), Политика социальной интеграции и равенства (PSE) и Рейтинги социальной защиты (SPR). Результаты регрессий показали, что только второй и третий показатели статистически значимо влияют на бедность и способствуют её сокращению. Анализ взаимосвязи между неравенством и социальной защитой с использованием объединённой модели OLS показал, что все четыре индикатора социальной защиты имели статистическую значимость и способствовали снижению дифференциации доходов в данных странах. Тем не менее регрессионный анализ с использованием моделей с фиксированными и случайными эффектами выявил, что только Развитие человеческих ресурсов (BHR) и Рейтинги социальной защиты (SPR) имели статистическую значимость и отрицательную связь с коэффициентом Джинни. Следует подметить, что наши результаты согласуются с результатами исследования Р. Осабохиен и др. [9], которые также выявили значительную и отрицательную связь между показателями социальной защиты и зависимыми переменными, как бедность и неравенство.

Исходя из анализа влияния социальной защиты на бедность и дифференциацию доходов, Узбекистану следует обеспечить адекватное усиление и координацию поддержки финансового обеспечения социальной защиты. Прежде всего, программа социальной защиты должна содержать разработанную для эффективного осуществления оценку воздействия и мониторинг, чтобы установить степень, в которой социальная защита предоставляется ожидаемым лицам. Также рекомендуется предоставлять продовольственные льготы семьям с низкими доходами в целях пополнения их бюджета на продукты для того, чтобы они могли позволить себе питательную пищу, необходимую для здоровья и благополучия. Стоит отметить, что данная мера эффективно использовалась в США в качестве одного из инструментов социальной защиты. Например, в 2011 г. с помощью программы SNAP «выведено» из бедности примерно 3,7 млн чел.³

Более того, одним из примечательных примеров эффективности политики социальной защиты является программа Bolsa Família⁴ в Бразилии, которая предоставляет бедным семьям с детьми денежную помощь в виде прямых трансфертов. Взамен они обязуются держать своих детей в школе и регулярно возить их на медицинские осмотры. Данная программа сократила

³ <https://www.fns.usda.gov/snap/supplemental-nutrition-assistance-program>

⁴ <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2010/05/27/br-bolsa-familia>

неравенство доходов на 13% за десятилетие и снизила коэффициент Джини на 21% после одного года реализации. В данном исследовании анализ неравенства и социальной защиты показал, что такие индикаторы как Развитие человеческих ресурсов (ВНР), которое, в частности, оценивает национальную политику в области доступа и качества образовательных и медицинских услуг, снижает дифференциацию доходов в странах Центральной Азии. Таким образом, предлагается внедрение политики, аналогичной программе Bolsa Família, в Узбекистане в целях сокращения неравенства в стране.

Литература

1. Ариэль Ф. и др. (2009). Условные денежные трансферты: сокращение нынешней и будущей бедности. Отчет Всемирного банка по исследованию политики. © Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. <http://hdl.handle.net/10986/2597>
2. Азим М. и др. (2018). Снижают ли пособия по социальной защите бедность и уязвимость к бедности в Пакистане? Доказательства на уровне домохозяйств из Пенджаба. Журнал исследований развития. Доступно по адресу <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00220388.2018.1448068> [Проверено 2 декабря 2023 г.]
3. Бахшинян Э., Молинас Л. и Олдерман Х. (2019). Оценка борьбы с бедностью посредством социальной защиты: школьное питание и семейные пособия в стране со средним уровнем дохода. Глобальная продовольственная безопасность, 23, 205–211.
4. Барриентос, А. (2010). Социальная защита и бедность. Международный журнал социального обеспечения. Доступно по адресу <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1468-2397.2011.00783.x> [Проверено 4 декабря 2023 г.]
5. Деверо, С. (2002). Могут ли системы социальной защиты сократить хроническую бедность? Обзор политики развития, 20 (5). Доступно по адресу <https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/15597351.pdf> [по состоянию на 9 декабря 2023 г.]
6. Фортеза А. и Росси И. (2007). Вклад программ государственных трансфертов в неравенство. Подход с чистой выгодой. Журнал прикладной экономики, 12 (1). Доступно по адресу <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1016/S1514-0326%2809%2960005-2> [Проверено 10 декабря 2023 г.]
7. Джентилини У. и Омамо С.В. (2011). Социальная защита 2.0: изучение проблем, фактических данных и дискуссий в глобализирующемся мире. Продовольственная политика, 36(3), 329–340.
8. Игаро Э.А., Осабохиен Р., Оньемаречи Г. и Ибидапо Д.Т. (2020). Механизм трансмиссии денежно-кредитной политики, инновационная банковская система и динамика экономического роста в Нигерии. Международный журнал бизнес-инноваций и исследований, 21 (1), 1–22. <https://doi.org/10.1504/IJBIR.2020>
9. Осабохиен Р., Мэтью А.О., Адерунму Б. и Олаванде Т. (2019). Выбросы парниковых газов и растениеводство в Западной Африке: изучение смягчающего потенциала социальной защиты. Международный журнал энергетической экономики и политики, 9 (1), 57–66.
10. Осабохиен Р. и др. (2020). Взаимосвязь населения, бедности и неравенства и социальная защита в Африке. Исследование социальных показателей. Доступно по адресу <https://link.springer.com/article/10.1007/s11205-020-02381-0> [Проверено 11 декабря 2023 г.]
11. Боровикова, А. (2023). Социальная защита населения - в действии. Правда Востока. Доступно по <https://yuz.uz/ru/news/sotsialnaya-zaita-naseleniya---v-deystvii>
12. Джалилов, К. (2023). По итогам первой международной оценки навыков своих школьников из Узбекистана появилось в последнем десятке. Газета.уз. Доступно по https://www.gazeta.uz/ru/2023/12/06/pisa/?utm_source=push&utm_medium=telegram

13. Каримова, Д. и Кучкарходжаев, С (2021). Узбекистан: социальная защита населения в условиях пандемии коронавируса COVID-19. Институт макроэкономических и региональных исследований. Доступно по https://imrs.uz/publications/articles-and-abstracts/social_protection